

деревянными решетками и бумагой, закрывающими редкие окошки; дым от угольных жаровен устремлялся вверх, смешиваясь с туманом и делая воздух еще более густым. Несмотря на то что многочисленные городские ворота еще не закрылись, перекрывая проходы между кварталами, улицы были так пустынные, как будто полночь, до которой оставалось почти три часа, уже наступила.

Одинокий охотник вышел из укрытия в нише дверного проема, по обе стороны от которого тянулись витрины магазинов, чьи раздвижные деревянные ставни были плотно закрыты от враждебной непогоды. Промозглый холод проник под его плащ и просочился между пластинами брони, которую он носил под плащом. Холодная влага собиралась под широкополой шляпой и под железной маской, закрывавшей лицо. Его тело, уже напряженное от предвкушения, начало дрожать. С каждым неглубоким вздохом он вбирал в себя и выдыхал воздух, в котором смешались запахи сырого дерева и земли, а также рыбные «ароматы» реки Сумиды. Держась в тени под нависающим карнизом крыши, охотник крадучись двинулся в сторону, пока не добрался до следующей двери. Там он остановился. Все его чувства обострились в ожидании первых признаков добычи.

Секунды сменяли одна другую. Ночные шумы — голоса, доносящиеся из ближайших домов, стук копыт вдалеке, грохот ночных повозок с нечистотами, направлявшихся к полям за городом, постепенно прекратились: Эдо готовился к закрытию ворот и превращению в неприступную крепость до рассвета. Дрожа от нетерпения, охотник посмотрел вдоль улицы. Его пальцы поглаживали плоские наверх мечей

в форме человеческих черепов. Достигнет ли он наконец цели, отложенной на столько лет? Появится ли его враг сегодня вечером?

Туман позволял видеть не больше чем на десять шагов в любом направлении. Справа мужчина едва различал мрачное сияние факела, освещавшего ворота в конце улицы. Казалось, никакое движение или присутствие, кроме его собственного, не потревожит покой этой ночи. Разочарование незнакомца нарастало — жажда крови окатывала его волнами горячего желания. В ожидании лихорадочный разум проецировал на фоне плотной пустоты тумана образы, сначала смутные, затем более отчетливые. Прищуриваясь, он представил себя в прошлом, в те годы, о которых слышал так много, что знал о них почти столько же, сколько о самом себе. В годы постоянной и славной гражданской войны, до того, как деревня Эдо превратилась в город с миллионным населением, до того, как первый сёгун из рода Токугава, Иэясу², покорил своих соперников и установил мир на земле.

Во времена величайшего из полководцев, которые когда-либо жили на свете.

* * *

Крепость Киёсу, сто двадцать девять лет назад. Беспощадное летнее солнце осветило две тысячи самураев, укрывшихся в деревянных стенах частокола. Охотник, хотя и был одним из самых скромных пехотинцев, чувствовал беспокойство, пронизывающее их ничтожно маленькую армию. Этот день

² Токугава Иэясу (1543–1616) — принц Минамото, выдающийся дипломат и военачальник, основатель династии сёгунов Токугава. Ближайший сподвижник и последователь Оды Нобунаги и Тоётоми Хидэёси, завершивший создание централизованного феодального государства в Японии.

мог означать победу и жизнь — или поражение и смерть — для них всех.

— Он едет!

Слова, шепотом передаваемые от одного человека другому, прошли через ряды самураев. Вместе со своими товарищами охотник опустил на колени и поклонился, вытянув руки и прижавшись лбом к земле. Но он не мог удержаться от быстрого взгляда вверх, когда их опасный и любимый господин проехал мимо.

Ода Нобунага³, правитель провинции Овари, стремящийся когда-нибудь получить власть над всей землей, был великолепен в доспехах из сотен металлических и кожаных пластин, скрепленных синим шелковым шнуром и покрытых лаком ярких цветов, и в черном железном шлеме, увенчанном парой резных золотых рогов. Он ехал на великолепном черном коне, а затем с мрачным выражением лица спешил, чтобы посоветоваться с тремя военачальниками, которые сопровождали его в побеленную деревянную крепость.

Новый шепот пронесся по рядам воителей:

— Марунэ пала!

Страх парализовал охотника, и он ахнул вместе с другими. С захватом пограничной крепости господина Оды между ними и войсками их врага господина Имагавы⁴, которые считывали двадцать пять тысяч человек и теперь наступали

³ Ода Нобунага (1534–1582) — военно-политический лидер Японии периода Сэнгоку, один из наиболее выдающихся самураев в японской истории, посвятивший свою жизнь объединению страны. Ему удалось подчинить все земли центральной Японии и провести в них ряд революционных реформ. Но завершить свои замыслы Нобунаге не удалось. В 1582 году он погиб от руки своего лучшего военачальника Акэси Мицухидэ.

⁴ Имагава Ёсимото (1519–1560) — девятый глава рода Имагава, один из известнейших князей-даймё периода сэнгоку дзидай в регионе Токайдо. Боролся за сохранение феодальной раздробленности Японии и устоявшегося статус-кво.

на них, больше не оставалось никаких преград. Они были обречены. Но страх охотника за господина Оду перекрыл его страх за самого себя.

* * *

Звук шагов вернул его в настоящее. Отогнав затянувшийся страх и образ разрушенной крепости, он снова посмотрел вдоль улицы. Из тумана слева от него шаркающими шагами вышел пожилой самурай с обычными мечами, длинным и коротким, на поясе.

В страшном волнении охотник схватил рукоять собственного длинного меча. Дрожа, он ждал, когда человек приблизится. Все мысли сосредоточились на предстоящем бое, но часть его разума метнулась назад, к тому давнему утру.

* * *

Ворота крепости открылись, чтобы пропустить двух задыхающихся разведчиков.

— Армия Имагавы в ущелье возле деревни Окэхазама! — прокричали они, спеша передать новости господину Оде.

Охотник и его товарищи были уже в пути, когда смогли окончательно понять значение этой информации. Их было две тысячи, так мало по сравнению с огромной силой, которая их поджидала. Часть воинов ехала верхом, часть маршировала пешком — сначала знаменосцы, артиллеристы и лучники, затем мечники и копьеносцы, а в арьергарде двигались господин Ода и военачальники. Все задыхались от жары, которая опаляла холмы и рисовые поля.

Наступил полдень. Наконец они остановились за холмом недалеко от ущелья в ожидании дальнейших команд. Из ущелья слышались голоса и песни, звучащие все громче сквозь пьяный смех. Войска Имагавы праздновали недавнюю победу. Охотник напряженно слушал и еще более напряженно ждал. Гнетущая тишина охватила склон холма и заставила его сидеть неподвижно, боясь даже дышать.

Внезапно на западе вскипела, скрывая солнце, масса темных грозовых облаков. Молния расколола небо, гром сотряс горы, как удар большого боевого барабана. Первые капли дождя обрушились на землю, и словно по этому сигналу с небес господин Ода поднял свой большой золотой военный веер и резко опустил его, решительно резанув им воздух. Кто-то из его помощников протрубил в раковину приказ:

— В атаку!

Одним движением самураи поднялись и побежали к ущелью. Сильные потоки дождя ударили борющегося с ветром охотника. На его глазах в ущелье исчезли первые ряды, и он услышал грохот стрельбы и испуганные крики армии Имагавы. Затем, чувствуя, что его сердце стучит громче, чем гром, он тоже скользнул вниз по склону в клубящийся хаос, который заполнил ущелье.

Гроза заставила людей Имагавы искать убежища под деревьями. Теперь они цеплялись за стволы, чтобы зарядить промокшие и бесполезные аркебузы, и нащупывали потерянные в грязи луки, копья и мечи. Но было слишком поздно. Войска Оды напали на них, уничтожая сотнями. Звон скрестившихся стальных лезвий эхом разносился по ущелью, ружья ревели, испуская облака черного дыма.

Стрелы пели в воздухе, чтобы поразить живую плоть глухими ударами. Крики смертельной агонии перекликались с убийственными воплями нападавших. Металлический запах крови перекрыл летние запахи пота и дождя. В самую гущу бушующей битвы въехал господин Ода. Высоко подняв меч, он направился прямо к господину Имагаве, который стоял в одиночестве и без защиты. Один опытный удар меча Оды, один торжествующий вопль — и Имагава уже лежит на земле мертвым.

Полный ярости, боевого азарта и восхищения охотник выхватил меч и бросился в ближний бой.

— Господин Ода, моя жизнь принадлежит вам!..

* * *

Теперь старик почти достиг дверного проема. Охотник слышал его хриплое дыхание, и в руке у него был меч, уже вытасченный для той давней битвы. Все в нем горело свирепым рвением, когда он выскользнул из тени, чтобы преградить путь своей жертве. Старик всхлипнул от удивления и остановился, подняв одну руку в знак приветствия или мольбы.

Охотник поднял меч обеими руками и быстро взмахнул им, описав в воздухе дугу. Клинок аккуратно перерезал шею старика, отделив его голову, которая упала на землю и откатилась на несколько шагов, прежде чем осталась валяться на грязной улице лицом вверх. Бурный фонтан крови, черный в тусклом свете, извергался из шеи убитого, когда тело, скорчившись, падало.

Полный сладкого огня победы, охотник посмотрел на окровавленное тело у своих ног. Он видел останки теперешнего врага, но мог также видеть поверженные тела мертвых

и раненых солдат в ущелье. Ему хотелось стоять там и разыгрывать в уме короткий остаток битвы при Окэхазамае.

Но он не должен был давать волю фантазии, не мог позволить себе забыть, где и в каком времени находится, забыть об опасности, которая грозит ему, останься он на месте убийства, которое только что совершил. Кроме того, ему предстояло еще много работы, прежде чем ворота закроются. Убрав меч, он взял отрубленную голову и сунул ее под плащ. А затем поспешил прочь по туманным улицам и переулкам.

* * *

Войска вернулись в крепость Киёсу на пике бурного празднования. Приветствия и смех сотрясали ее деревянные стены. Но наутро радость сменилась отчаянием. Битва при Окэхазамае завершилась через несколько минут после того, как началась, — и победителем стал Ода. Господин Имагава был мертв, и те немногие его воины, кто не был убит в ущелье, бежали в панике. Провинции Микава, Тотоми и Суруга теперь принадлежали Оде, и путь к столице Киото был расчищен для него. Празднование длилось всю ночь — звучали песни и веселый смех, лились рекой напитки. Но сначала должен был состояться торжественный ритуал, чтобы отметить блестящий триумф господина Оды.

* * *

Оказавшись в одиночестве в тесной комнате, освещенной единственной масляной лампой, покрытой жирными пятнами, охотник опустился на колени и развернул отрубленную голову. Он бережно вымыл свой кровавый призм в ведре с водой и вытер его чистой тряпкой. Рядом с ним стояла квадратная доска с торчащим из середины острым железным

шипом. Мужчина, хрипя от усилий, стал насаживать голову на это приспособление. Наконец острое шипа проникло в мозг, а шея коснулась доски. Охотник осторожно причесал тонкие седые волосы и заплел их в косичку, перевязав ее обрывком белого шнура. Он покрыл бледные морщинистые щеки румянами, чтобы восстановить в них цвет жизни, и до блеска вытер лишенную волос плешь на макушке, а затем нажал пальцами на глазные яблоки, заставив их смотреть вниз, что считалось наиболее благоприятным. Зажигая ароматическую палочку, он помахал ею вокруг головы, чтобы убрать неприятный запах. И наконец, добавил самый важный штрих: белый бумажный ярлычок с черными иероглифами, объясняющими цель его поступка. Эту бумажку он прикрепил к косичке мертвеца, после чего встал и осмотрел свою работу. Его сердце наполнилось гордостью, когда он смотрел на голову.

Его бундори. Его боевой трофеей.

* * *

В красных лучах заходящего солнца вечерний бриз развеивал флаги на крепостных валах Киёсу. Гремели военные барабаны, уносились высоко в небеса звуки песнопений. Горящие факелы освещали двор за частоколом, где сидел на маленькой скамейке в окружении своих военачальников все еще одетый в полную броню господин Ода Нобунага. Выстроившись в ряды, встали перед ним на колени его войска. Господин Ода торжественно кивнул, приказывая начать церемонию.

Из крепости пришла процессия самураев. Каждый нес насаженную на палку голову, которую клал к ногам своего господина, а затем кланялся, прежде чем вернуться в крепость за следующей головой. Охотник был четвертым в очереди,

и его дух воспарил с пенопением и барабанными ударами — он едва сдерживал свою радость. Сегодня он отличился в бою, в одиночку убив сорок человек. Его наградой стало почетное место в шествии и признание господина и других, равных господину людей.

Это только начало, вертелась в его голове безумная мысль. В будущем он представлял себя сначала командиром отряда, а затем военачальником. И когда настанет его смертный час, он умрет во славе битвы, отдав своему господину высшую дань — жизнь. Наступила его очередь пройти перед господином Одой. Расправив плечи и посмотрев прямо, он шагнул вперед, протянув вперед обе руки с зажатыми в них бундори.

* * *

Туман за окнами сгустился, дождь продолжался. Согнувшись под тяжестью большой корзины на спине, охотник поспешил по пустым улицам к тому месту, куда решил выложить свой драгоценный трофей.

— Поспешите домой! — крикнул ему ночной страж, когда он проскользнул через ворота. — Наступает время закрытия.

Охотник проигнорировал совет. Он должен был поставить бундори так, чтобы все могли видеть его трофей, восхищаться им и знать, какое великое дело он совершил. У него почти не осталось времени, каждый миг увеличивал риск разоблачения. И все же он не чувствовал страха или беспокойства — только страстное желание завершить свое дело.

Он быстро взобрался по ступеням лестницы, пристроенной к стене какой-то лавки, и вылез на платформу шаткой деревянной пожарной башни, возвышавшейся над крышей магазинчика. Туман, скрывая вид на расстилающийся внизу город, окутал мужчину. Он открыл корзину и вынул голову. Его разум наполнил ночь темными фигурами, а промозглую тишину — звуками барабанов и пением. Он осторожно положил голову на платформу и низко поклонился.

— Достопочтенный господин Ода, — прошептал он, и его охватило почти физическое удовольствие. — Прошу, примите мою первую дань вам.

Затем он снова надел корзину на спину и спустился по лестнице. Высоко подняв голову, он пошел домой, чувствуя себя так, словно убил не одного человека, а множество вражеских солдат, и продолжая мечтать о будущих победах.

丁
人
人
人
人

В огромном глубоком пруду на тренировочной площадке замка Эдо Сано Исиро яростно бултыхался, пытаясь удержаться на плаву; легкие его тяжело раздувались. Два меча и полные доспехи — кираса и наплечники из кожи и металлических пластин, кольчужные щитки для рук, металлические защитные приспособления для ног, шлем и маска — грозили утащить его на дно. В левой руке он держал лук, в правой — стрелу. И отчаянно старался удержать эти лук со стрелой, а также голову, над водой. Вокруг покачивались на поверхности пруда другие самураи, служащие сёгуну Цунаёси Токугаве⁵. Тот сегодня посетил их утренние занятия, чтобы потренировать в навыках, которые понадобятся в случае, если придется вести войну в реке, в озере или в море. На другом конце пруда еще больше людей сражались верхом на лошадях. Их движения подняли в воде настоящую бурю, и большая волна накрыла Сано с головой. Грязная вода с кон-

⁵ Токугава Цунаёси (1646–1709) — пятый сёгун из династии Токугава, правитель Японии, руководивший страной в 1680–1709 г. Известен своими указами, защищающими животных, а также поддержкой театра, литературы и других искусств.